

A black and white portrait of a man with glasses, looking slightly to the left. The text is overlaid on the image.

А. Новосёлов

ПИСКАКА

Фантастическая поэма

А. НОВОСЁЛОВ

П И С А К А

Фантастическая поэма

Архангельск
2005

*Памяти моего деда,
Новосёлова Анатолия Ефимовича,
посвящается...*

Посвящение

Много в жизни ты увидел,
Много дум перемолол.
Рад ты был и был в обиде,
На рыбалке кайф нашёл.
Я тебе,

Мой дед,
Поэму

С сердцем эту посвятил.
Не закрыл стихами тему,
А лишь несколько открыл.
Если что не так среди строчек –
Ты прости меня. Не злись.
Я не смог без заморочек,
В голове они зажглись.
Может, стоило романом
В скуку старости влетать;
Жизнь моя не без изъяна
И не смог я подсчитать.
А поэма как наградой
Для твоих бровистых глаз.
Век живи и нас ты радуй
Дедом, прадедом за раз.

П И С А К А

*Следующий текст в электронном варианте
на сайте был размещён
Смолиным Николаем Сергеевичем,
что был отсканирован с оригинальных
номеров газеты.
Идентичность оригиналу абсолютная.*

234 выпуск газеты
«Хроники паранормального»
(отрывок)

Уважаемые читатели!

Это произведение 29.03.2002 года принёс к нам, в здание редакции, несколько подвыпивший молодой человек, своё имени так и не назвавший. Наша газета на своих полосах его приводит одной из первых первая.

Пятого апреля 2002 года наш журналист, Валерий Смиронов, отправился в пригород города Котласа, посёлок Лименду, отыскал за пару дней дом и квартиру Максима Озерова и узнал о его гибели. Максим погиб от руки злоумышленника; тот ударил его ножом в грудь прямо у дверей собственной квартиры. Это произошло второго апреля. После себя он оставил дочь и жену Ольгу, интервью с которой мы без сокращений поместим в следующем номере газеты.

Это произведений в виде малой поэмы оказалось первой и, увы, последней работой в творчестве Максима. Вечная память этому так мало пожившему на белом свете мастеру слова.

Сейчас же вашему вниманию представлен печатный вариант рукописей Максима Озерова без сокращений и исправлений.

\\ Гл. редактор Л.С. Бабер \\

Вступление от автора

Стихов я раньше не писал, но, как оказалось, писать их было у меня в крови с самого рождения. Окончив Архангельский Государственный Технический Университет, и, став дипломированным специалистом, я прибыл в Котласский лесхоз, где был принят на работу мастером леса.

Вот там-то я и встретил Павла Селиванова, пятидесяти двух летнего мудрого лесника. Он во мне и разбудил жажду к писанине.

Слушать его стихи мне посчастливилось только два года, но за это время я узнал о нём уже не мало. И только сейчас, когда многие его черновые и чистовые работы разошлись по родным и знакомым, когда за всю жизнь он не издал ни единой книги со своими работами, невольно понимаю – страна потеряла настоящего поэта (с большой буквы), по «полёту» ничуть не ниже Есенина и Блока вместе взятых.

И это произведение в дань памяти об этом поэте, при жизни очень подвижном и неизмеримо талантливом человеке. В этой работе я привожу одно из стихотворений Павла, которое он посвятил когда-то мне.

Я обозвал эту поэму так только в связи с тем, что он известным так и не стал, так как в Котласе его имя абсолютно легковесно...

Искренне ваш, Максим Озеров

П И С А К А

Поэтами не становятся, а – рождаются.
*\ Народная мудрость *

Поэт не может служить народу,
потому что он сам – народ.
*\ Марина ЦВЕТАЕВА *

Глянь!
У нашего писаки
Снова полон дом господ.
Пусть за дам в округе драки,
Только Павел слёг уж в гроб.
Этот Павел Силиванов
Будет будущий герой
Для красивых, для романов,
Ведь писать был сам не свой.

Лучшие
из лучших строчек
Я писаке посвящу.
Пусть пяти не хватит ночек,
Но, что вспомню, освящу.
Жаль,
Сейчас в живых уж нету
Главаря из лесников.
Так,
как он,
писать куплеты
Блок бы смог или Рубцов.

Предисловий не люблю,
Отчего и приступлю...

Глава I

\1\

Я, сперва, читатель, вспомню
Как он с виду был хорош.
Гнал метлою он тихоню,
Сам же с живчиком был схож.
Ростом был он не великим:
Метр семьдесят и грош.
Нос курнос, а в линзах блики –
Жаль, глазами был негож.

Голова случайной формы,
Где и лысина росла;
Как колпак смешного гнома
Вверх макушка и пошла.
В старой роговой оправе
Он взирал на этот мир.
И скажу ещё о Павле,
Что от торса свёл весь жир.

Ну, а на руки посмотришь –
Каждый день он при делах;
Если ты пять грошей стоишь,
То в цене он – верх в рядах.

\2\

Как картошкой, круглым носом
Окуляры поправлял;
Если был сражён вопросом,
То с минуту затихал.
Но, ответ найдя достойный,
Очень внятно разъяснял.
Мозг во спорах закалённый
Он в стихах свой развивал.

Случай был не единичный,
Чтоб в азарте он витал –

Стих про жизнь вполне отличный
Сочинял он и читал...
Он глаза слегка прищурит,
Сigaretкой задымит
И зайдётся как от дури –
Рифмой маты угостит.

\3\

А глазами когда щупал
Стаи каменных домов,
То, бывало, столько думал...
(За пятак живых умов).
С нами пил совсем не много.
Только лучше что б читать,
А Валерка – струны трогал.
Павел – петь, а он – играть.

Да, он был голубоглазым.
Брови чёрные носил,
Что седели «раз от раза» -
Год не малый уж пробил.
Пятьдесят два года только
Мир он радовал собой.
Наш лесничий,
Брагин Колька,
Говорил:

«Нам всем он свой...».

Про жену его, детишек
Расскажу попозже чуть,
А сейчас, читатель,
тише
Сделай «ящик», я же суть
Расскажу о неудаче
Самой крупной во судьбе
(Но, уверен, он не плачет,
К звёздам вымерив разбег).

Смак стихов своих отборных
Только устно изливал,
Дней лесных или конторных
Суть в беседах округлял.
Не хотел свои он мысли
Записать в компьютер, в лист;

Говорил:
– *Желанье сгрызли*
Плагиатчик и артист...

И, конечно же, в журналы
Не ссылал свои труды.
Люди век, как он искали...,
Пуд испив стихов воды.
На своих же выступлениях,
Средь конторских милых дам,
Не любил..., кто сзади тенью,
Шторой был к его стихам.

\4\

И стократно нас дивило
Как он запись невзлюбил.
Журналисты приходили –
Павел день тогда грустил...
Камер и магнитофонов,
Быстро пишущих людей
Он терпеть не мог. «С балконов»
Он спускал их (как злодей).

Вы представьте: в кабинете,
Там лесничий где кричал,
Он «жучёк» просёк в планшете –
Даже так нас удивлял.

\5\

Мне б сейчас оговориться,
Самым близким всё ж дарил
Писанину и гордился,
Что хоть их не обделил.
Так, томá семья читала,
Поднимаясь в мир прикрас.
Тáк! любила и так! знала –
По судьбе живёт средь нас.

Обещал (ну-ну, спокойно,
Не бранись, читатель мой)
Обрамить здесь не отстойно
Интерес к семье той твой.

Всё исполню, будет время –
Здесь поэму не вершить.
Чтоб вкусить поэмы семя,
Будь смиренным, не спеши.

\6\

Где он только ни работал...
На складах браковщиком;
Тепловоз в цехах потрогал;
На реке крановщиком...
(Он в плавучем кране рóбил).
Лес обследовал на мразь.
Нет, не просто всё освоил.
Не всегда в конторах мазь...

Много в жизни он учился,
Как потом отмечу, шкаф
От журналов, книг ломился,
Говоря: «*Не прост наш Пав*».

\7\

Обещал же суть по полкам
В сей поэме изложить.
Ты же прав,
 читатель:
 сколько
У порога мне кружить.
Нó, ты сильно не надейся,
Как Твардовский мне не спеть.
Хочешь, смейся иль не смейся –
Первый стих сей мой и есть.

\8\

А теперь слетаю в мыслях
В первый год знакомства с ним.
Нет, не вспомнить уж числах,
Месяц шёл, когда все спим.
Да, январь две тыщи года
За окном плясал пургой.
Проверяли мы отводы,
Да и Павел был живой.

Глава II

<Январь, 2000 г.>

\1\

Впятером, как помню, мчались
Мы в УАЗике домой,
Шутки ладили, смеясь.
Я – шутник, смешней со мной.
До конторы как домчались,
Павел ручку – хватать, листок.
Мы кругом его собрались –
Был у нас почти что шок.

Он писал стишок неспешно,
Не чиркая слов своих,
Про двоих друзей нездешних,
В Лименде,
 чеканил стих.
Стих не малый урождался.
Лев с Валеркой – по домам.
Помню: я тогда остался,
Да лесничий «красил» план.

Диктофон в кармане злился,
Что так долго нужно ждать.
Записать стихи решился,
Чтоб подруге показать;
Что живет среди нас писака,
Что читает стих на раз.
Ну, так вот, он подал знаки,
Что начнёт читать сейчас.

Карандаш лесничий бросил
И на Павле взгляд застыл.
Он начнёт ведь сам, не спросит
(Пофигизм его лишь злил).
Диктофон скорей нащупав,
Рычажок спешил нажать.

До конца тот стих дослушав,
Не терпелось отмотать...

\2\

Стих отличным был про шведов,
Как стремятся всё узнать.
И пытаются наших дёдов,
Те же им: «*Нам вам не внять...*».
Двадцать пять четверостиший
С выраженьем нам прочёл,
И во мне горел костиче
Поклоненья.
Он – орёл!

\3\

Я спешил домой метелью,
С линз сбивая мелкий снег,
В голове с одной лишь целью –
Слышать вновь в стихах разбег.
Быстро шёл, не понимая,
Как же запись не просёк
Павел, стих нам представляя.
Иль процесс его завлёл...

Дома ужин грела Оля,
Кто мечта моя, любовь.
Страсть открыть в огромном поле
Бредим мы с стихами слов.
Свадьбу мы тогда мечтали
Дать в начале сентября.
(Впредь, когда дочурка с нами,
Лезу в память января).

Хо!

Мечтали в сентябрé мы,
Но обвенчались в феврале.
Не страстей творю поэму
Я по сладостной поре.
Вот бы образов спонтанных
Эротических
завёл:
Непристойных и развратных.
Но, не к месту произвол.

Вы меня простите, право,
Ведь всего-то двадцать пять.
Лобызаний сок – отава.
Лучше новый стих создать.

\4); \5); \6\

Не кости меня, читатель,
Не могу не описать
Олю, ведь она спасатель –
Только с ней не унывать.
Сколько видел в своей жизни...
Распрекрасных я девчат,
Но любви я править льдиной
Стал, когда уж был женат.

Всё, конечно, в ней ценил я:
Аккуратный нос, глаза
Цвета неба, что пьянили –
С глаз моих текла слеза.
Цвет волос (с рожденья) – русый,
Что в длине ручьём до плеч.
Лик её всегда не грустный
Страсть во мне умел разжечь.

С виду – хрупкое создание
Оля, но знаток Дзюдо.
Много знаков препинанья
В мягкой койке, ну и до...
Метр восемьдесят в росте;
Бедра! Грудь! Как топ-модель.
Дружба шла меж нами просто,
Как растит сугроб метель.

\7\

С Олей сели на диване,
Поцелую дань отдав –
Время ждали, как настанет
Стать супругами от прав.
Я кассету в «ДЭКУ» вставил,
Отмотал и «Play» нажал.
Нас обняться страх заставил,
Уж жалел, что записал...

В фоне звуков от метели
Кто-то рявкал не в словах.
С Олей мы остолбенели,
Не хотел пускать нас страх.
Стало быть, от всех он прятал
Свой реальный разговор,
Если он всегда так рявкал –
Ждёт с директором раздор.

Оля, страх как удалился,
Лишь сказала:
– Он чужой;
*От людей он отделился,
Псевдо гений и герой.*
Правду страшную мы вскрыли,
Что писака странный лжец.
Жили так, как раньше жили,
Лишь отсрочив тот... конец.

Сложно было мне представить
Правду, что никто не вскрыл.
Ложку дёгтя в мёд добавить
Я не смог, ведь Павла читл.

\8\

Дни, недели жизни в беге
Пролетали – год прошёл.
Вот тогда в приятной неге
С Олей был: бурлил и цвёл.
Случай тот январский вскоре
В голове на дно залёг.
Как всегда, делишек море,
Всё б в стихах сказать не смог.

Если ты, читатель, помнишь,
О семье писаки я
Обещал сказать. Уловишь
Как жила его семья.

<Июнь, 2000 г.>

Шел июнь. Горело лето.
По делам тогда я шёл,
Шёл, точнее, за советом
Какой лучше взять «ТОСОЛ».
Тот «УАЗ» послевоенный
Неказистый, коль смотреть,
Дед отдал почти мгновенно,
Пошутив: «*Живей, чем смерть...*».

Жили в Лименде мы оба,
Меж домами сто шагов.
Не сыскать красот особых
И высотных нет домов.
Старый пункт разгрузки угля,
Есть завод что в весь затон.
(Здесь жена писаки, Юля;
Взглянешь – полон чар бутон).

На окраине, у речки
«46» лесозавод;
Нефтебаза; в город течку
Водокачки дом даёт...
Здесь и в Вычегду впадает
Мной любимая река.
Каждый год она мельчает,
Как костлявая рука.

Имя «Лименда» той речке,
Так и пригороду клич.
Здесь училища местечко,
Речники в нём учат клич.
КэРэУ* растёт не хмуро –
Ведь в надёжных он руках.
Век поющий дом культуры
Есть,
 где Ленин весь в цветах.

* – *Котласское речное училище.*

\10\

Но, пора бы мне вернуться
И о Павле рассказать.
Не успел тогда разуться,
Как спешат мне тапки дать.
Много тем перемололи,
Чай испили раза два.
Нет ему иной уж доли,
Кроме как к пяти вставать.

Был спортсменом без медали,
В будни в беге по утрам.
Сын и дочь не отставали,
Редко с ними и мама(м).
Не скажу для украшения
Этих строф, но где б ни шёл,
Вся квартира в загляденье –
Был помыт, как только, пол.

И со вкусом в каждой точке
Комнат трёх он подобрал
Мебель, плитку. Сыну с дочкой
Он по комнате отдал.

\11\

Я не мог сказать, что Юля
Мне не нравилась совсем
(Нет, не думал об загуле),
Но, от дочки так и «сел».
Ты, читатель, всё уж понял –
Отыскал судьбу свою.
Встретил Олю на балконе.
Рот открыл.
Молчу.
Стою...

И, признаться, я о Павле
Все уж мысли растерял.
Был ужален и отравлен –
У страстей в силках дрожал.

\12\

Да, я Олю знал давненько,
Но не знал её семью (!).
(Лимендá,
как деревенька.
Всё же Олю не виню...).
Упрекнёшь, читатель, знаю:
Как же так, отца не знать?
Очень просто, ведь по краю
Шёл к страстям и потерять

Очень я боялся Ольгу,
Ей себя всего вскрывал.
С ней шагать стремился в ногу.
Вечерами лишь мечтал.
Инцидент тот с диктофоном:
Помню ужас как был с ней.
Осознал причины стоны,
Ведь **писака** всех родней.

Стало жарко на балконе,
На диван тогда я сел.
Иль в подобие поклона
Сделал выпад, но не смел...
Я не знал тогда о многом,
Оля же молчала. Я
Не вводил допросов строгих,
Самого себя томя.

\13\

Тему вскоре изменили,
Шло затем слиянье губ.
Обнялись и порешили,
Что немного был я глуп.

\14\

Умудрён был братец очень:
За столом крутил, паял...
– *Не хватает Славке ночи.* –
Павел мне тогда сказал.
Я узнал, что этот школьник
Смастерил, конечно, сам,

Чудо-радиоприемник,
Что и Европу в дом вещал.

Приносила в дом с завода
Ему тётя разный «хлам»:
Провода, припой, диоды –
Мастерил, чтоб Славик сам.

\15\

В двадцать два домой ушёл я,
В сладком чувстве – Се ля ви...
Мысли шли не о «ТОСОЛе» –
Облик Ольги был в крови.

Глава III

\0\

Несколько слов о свадьбе

<23 -24 февраля 2001 г.>

Шёл февраль второго года
Полюбил как Ольгу я.
Из зимы страстей природа
Кошелёк смела с рубля.
Корешей своих хороших,
Мать, отца, двоих дедов,
Двух братьёв, что пёрли ноши,
Дядек, тёток (к слову, вдов).

Вот и все, кто пировали,
Но с моей лишь стороны.
Ольги тоже мы позвали
Всех достойных со страны.
И давно мы так решили –
В КУХНЕ лимендской играть.
Два денька смеялись, пили,
Тамаде отметка «ПЯТЬ».

Не забыть: **писака** только
На стихах лишь говорил,
Не в стихах кричал лишь «Горько»,
Да молчал, вино как пил.
Вот тогда среди подарков
(Не громоздких и больших),
День спустя, с игрушкой-аркой
Обнаружил Павла стих.

Дальше же не в этом ритме
Слово в слово Пашин труд
Отражу (как в Хиросиме).
Строчки разум ваш проткнут.

\1\

Павел СИЛИВАНОВ

= КАЛЕЙДОСКОП =
(стихи)

— *О Лименде: рябиновый мир* —

Рябиновый мир у ограды,
Вьюнков красота у крыльца,
Берёз семенами награда
Для мостовой, для мальчика.
Дороги отсыпаны шлаком,
Хрустит что извечно от шин.
Дорожные моются знаки
Дождями,
 листвою осин.

Газон новостриженный строго
В пятиэтажек ногах,
К лесозаводу дорога
Дамбой лежит в тополях.
Рябиновый мир для детишек
И
 для бродяг
 с «пузырём»;
Чернильная старость напишет
Как родились. Как погрём...

— Где же мы виделись, Юля? —

Сколько живём мы с тобою?..
Нам ли из прошлого брать
Жизни, что смыло водою,
Что со свечой не сыскать.
Юлия,
Мы ли не жались,
С эросом дружбу крепя.
В ложе страстей мы метались,
В небо взлетая, кипя.

Знаю, к другим мы не мчались,
Верность друг другу храня,
Даже когда разъезжались
Больше уж, чем на два дня.
Но, расставаясь, тонули.
Эрос стучал в грудь и в пах.
Где же мы виделись, Юля,
Раньше, до свадьбы, в садах.

Помню лицо твоё, руки
(Пятнадцать-семнадцать тебе).
Любви не стерпел боле муки,
Отдался своей я судьбе.

— Автобиографическое —

Себя рисовать не пристало,
Но если уж взялся, то пусть
Отчалою к словам-покрывалам,
Что строго облепят мой путь.
И дольше живёт (это правда)
Тяжбами кто обделён,
Кто просто везуч. И не надо
Ему выгонять бесов вон.

Я же везучий по жизни —
Двое детей и жена;
Судьбу не купить в магазине —
Она мне ИМ слита одна.
Как-то уж так получилось,
Много учился где я,
Люди безмерно дивились,
Что не тужила семья.

Я отработал на славу
Браковщиком на складáх;
В кране плавучем канаву
Грейфером рыл. И в руках
Были ключи и отвёртки
В старом депо УЖЭДэ.
Дальше – к лесам отворотка,
Что, как известно, в беде.

Очень везло с коллективом,
Лес ведь сначала «лечил».
Фитопатолог учтиво
В Санкт-Петербург отпустил..
Книжек я корки мусолил,
Грибы, фунгициды уча.
Время пришло, и освоил
Работу лесного врача.

Уж сорок пять отстучало –
Стал я простым лесником:
Бодро отладив начало,
Тюкал в лесу топором.
Часто спешил исписаться,
Озвучить новинки свои.
Писакой осмелился зваться,
Ведь рифмоплётство в крови.

Себя рисовать не пристало,
Дошёл уж до строф я финала.

— ДРУГУ —

Дни пролетают как птицы,
Тополь дрожит под окном,
Снег равномерно ложится,
Чтобы уснуть тихим сном.
Смотрю, как метелью летишь ты
Ко мне, а к кому же ещё?
Ставили в водке лимиты,
Значит, я буду прощён.

Конечно, слегка побранится
Юлия грозной звездой.
Скажу:

– *Что не с целью напиться*
Мы собрались, вот, зимой.
Ты помнишь: в лесах и болотах
Морошку как брали, грибы;
Была как одна лишь забота –
Дождём добежать до избы.

Так мало стихов для тебя я
Писал, а точнее – не писал.
Пером на листе ковыряя,
Состряпал..., что ты прочитал.
Умру я, как все, непременно,
Ты

и, кто близок,
всплакнут.

Многим я обыкновенный,
Многим – **писака** и шут.

Фото украсит надгробье,
Где я, до смешного, простой;
Болеющий книжным бесплодием,
Своей стихотворной игрой.
Газеты, журналы и книги
Рассказов не знали моих.
А в память по мне ты «воздвигни»,
Дружище, отличнейший стих.

С тобой же я, нет, не прощаюсь.
Стих многострофный вяжу.
Я,

как везучий,
отмаюсь,

Прежде немного скажу.

Моему другу Максиму ОЗЕРОВУ.

/Павел СИЛИВАНОВ, 22 февраля 2002 года/

\2\

<2 марта 2002 года; один день до гибели писаки>

Всё, читатель,
Шаг последний
В сей главе я совершу,

Всё в уме я свёл напередни;
Сел сейчас и допишу.

\3\

С Олей мы́ решили съездить
К своякам на Суходол *,
Долгожданный брак отметить,
Сесть разок ещё за стол.
Собирались мы к отъезду,
В дверь как кто-то позвонил.
Это снова в час обеда
Наш **писака** заскочил.

Снег валил уж беспощадно,
Дворник, Стас, не поспевал.
Доктор, вижу, как детсадный,
По сугробам побежал.
Я и Ольга в отпуск вышли –
Две недели и два дня.
Наша радость скуки выше,
От страстей горим огня.

(*) – посёлок в Ленском районе Архангельской области.

\4\

Оли был отец нетрезвый.
Пошатнулся, в кресло сел,
Но довольно таки резво
С чаем ломоть хлеба съел.
Помолчали с две минуты.
В очи наши посмотрел
(Не раздетый, не разутый;
С перегаром он сидел).

Он тогда поведал много,
Всё дословно не сказать.
Родилась тогда тревога,
Звука я не смог издать.
Прежде, чем тебе поведать,
Мой читатель, смыслы слов,
Уточню, что за обедом
Возросла к нему любовь.

Он опять в стихах состряпал
Нам правдивый монолог.
Павел пьяный был растяпой,
Но умом силён игрок.
Ну, так вот, за разговором
Рюмку водки он испил;
Хлеб смешался с помидором,
С книжной полки Блока сбил.

Ни к чему мне углубляться
Во ветвистость мелочей,
Стих другой решит «смеяться»,
Будет он, как с гор ручей.

\5\

Дед его в войну с фашизмом
Был осколком ранен в грудь,
Мир внимал сквозь боли призму,
Но жуком буравил путь.
Вот тогда сознание стало
Его больше, чем другим:
Речь стихом из уст бежала,
В спорах стал он не ранім.

Лес плотил, багрóm он рóбил,
Книг не брал, но знал не с грош.
Понял люд – он стих освоил,
Жив в котором разум-нож.
Но, конечно, всех дивило,
Что стихов в печать не слал.
Павел, сын, как был водилой,
Дома стих один украл.

И в печати вдруг взорвался
Силивановский тот стих.
Люд гордился, любовался,
Ведь поэт живет среди них...
Помер дед спустя неделю,
Сыну тайну так не вскрыл.
(Только я один осмелюсь,
Мой читатель, вызвать взрыв).

\6\

Помер дед довольно странно.
В хлев проводку заводил,
Для жены, любимой, Жанны,
На пакетник знак вlepил.

Кричали

Буквы рядом с черепком,
Но мурашки роем стали
Смерть ловить над стариком.

Не включал никто рубильник,
Только руки дед спалил.
В тех сенях сгорел светильник
И **писака** ввысь уплыл.

\7\

Крановщик он был. Работал,
Бáржи углем загружал.
Часа ждал тот деда свёрток,
Вот прочёл он и... упал.
Павла мозг переполнялся
Знанием,
 дá

и мастерством.

Он **писакой** оказался,
Стал народ сластить стихом.

И сказал он нам открыто,
Что сам Пушкин в нём воскрес.
Знание всех стихов зашито
В голове: проверь и взвесь...
Взял тогда я книжку с полки,
Вскрыл Онегина кусок.

У нарядной сел я ёлки.
Павел начал, как знаток...

«Капитанской дочки» главы
Да «Дубровского» прочёл.
В старой роговой оправе
Был он Пушкиным и цвёл.
Нет, читатель, я не стану
Здесь теории вживлять.
Странной истины сметану
Я отведал – время знать.

Пушкин сам сидел пред нами
И в стихах рассказы вёл.
От идиллий тёк слезами
Я от счастья. Как расцвёл...

\8\

Он тогда сказал нам чётко:
*«Стих в печать – уж беспредел;
Пушкин сам в раю в колготках
Отдал нам, чем сам владел».*
Так красиво и так просто
Правду Павел рассказал,
Задавался с век вопросом:
Нужно ль нам, что Пушкин дал.

Осознали суть мгновенно
(Олю плач тогда забрал).
Павел тоже будет бранным,
Очень близок уж финал.
Так! нам больно стало разом
Потерять творца творцов.
– Папа, как же ты наказы
Позабыл. Нельзя стихов

Отдавать обычным смертным,
То – лишь гения сразит,
Ты, считай, уже отпетый;
Ведьма, вон, с косой летит.
Оля плакала, кричала,
Мир тускнел в её глазах.
Время действовать настало,
Повели его в снегах.

Юля же, конечно, знала,
Пашу быстро в дом ввела.
– Позабочусь я. Ведь Павла
Нужно срочно скрыть от зла.

\19\; \10\; \11\; \12\

*<3 марта 2002 года писаки, Павла СИЛИВАНОВА,
не стало>*

Он погиб не так, как батя;
В доме, в кухне, при жене.
Головой об угол – ХВАТИТ! –
Так и умер на спине.
Ты меня прости, читатель,
Как отпели, как погиб –
Не могу писать – карает,
Даже голос весь осип.

И пора кончать поэму,
Самому вопрос задать
На излюбленную тему:
Как смог это написать?
И пора бы нам простится
Мой читатель дорогой,
Не хотел колоть я спицей
Разум твой, а,
может,
свой...

Навечно ваш, Максим Озеров.

<20 – 26 марта 2002 года>

..236 выпуск газеты «Хроники паранормального»..
(отрывок)

Уважаемые читатели!

Если вы читали два предыдущих номера нашей газеты, то наверняка ждёте тех строф, которые Максим Озеров не включил в поэму «ПИСАКА», но напрямую отнёс к ней. Их для всех нас заботливо сохранила его супруга (Ольга Озерова), интервью с которой мы приводили в предыдущем номере. Теперь же вам предоставляется редкая возможность прочитать те не включённые в поэму строфы, кои здесь печатаются нами без сокращений и исправлений.

\\Гл. редактор Бабер Л.С.\\

**Строфы,
не вошедшие в основной текст
малой поэмы М. Озерова
«ПИСАКА»**

**Глава II
(строфы: 4, 5)**

\\4\\

(венок экстаза)

Двадцать пять.
И эрос кружит,
Не могу стерпеть – строчу.
Нам с женой сознание мутит,
Нет и фразы «не хочу».
Летом – травы, снег – зимою,
Был мотором тем для нас,
Что, читатель, я не скрою,
Удовольствий вскрыл запас.

Наша страсть всё больше зрела,
У реки бывали там,

Где кукушка нам лишь пела,
Нашим пламенным телам.
Должен я признать – в то время,
Как писал поэмный стих,
Эрос выстрелил мне в темя –
С Ольгой рай был на двоих.

\5\

И сейчас, когда пишу я,
То в объятых бёдер, рук;
И, подробности минуя,
Сладострастный слышу звук.
Через строфы отразил лишь,
Что без кайфа унывал.
– *Даже тенью ты заводишь...* –
Ольге как-то я сказал.

Очень странным мне казалось,
Что никак не охладжусь.
Хоть перо уж расписалось,
Я в супругу погружусь...

Глава III (строфы: 9, 10, 11)

\9\

Нет, не отдал впуск в поэму
Этой странной я строфе.
Но, раскрыть обязан тему
О себе сейчас, себе...
Как к жене свели мы Пашу,
То пошли пургой домой.
Няне дочку дали нашу;
С ней и я был сам не свой.

Дома, Ольга как стирала,
Диктофон включил. Сейчас
Записал свой голос; стала
Суть ясна мне – слёзы с глаз.
Только рявканье услышал
Вместо слов своих тогда.

Ужас стал к сознанию ближе;
Мне же – счастье и беда.

Почему тогда со мною
Чертовщина та сжилась?
Мыслью жить я стал одною
В голове,
 что пробил час.
А назавтра, утром рано,
Лавой разум мой взяла
Тяга жить стихом. Романов
Ворох пушкинских внесла.

Участь страшная – фантомность.
Был счастливым в тот я день.
Оля – в плачь. Такая новость
Ей на сердце сдула тень.

\10\

Я хочу сказать,
 читатель,
Как однажды снять меня
Захотел в лесу приятель.
Кадры те смотрел и я.
И сейчас оговориться –
Он на видео всех взял.
К фотоснимкам порчи птицы –
Счастье – ОН не пропускал.

Холод страха. Волос дыбом.
Как всмотрелся я в экран...
В голове застряла глыба;
Выпил я, но был не пьян.
Всех в том квартале засняли
(Рядом с тополем я был);
Облик мой лучи украли –
Свет холодный стан прикрыл.

Словно солнце свет рождало,
Где с рулеткой я стоял.
Не на шутку страшно стало
Нам, кто это наблюдал.
И везде, где в кадр входил я
Нас с экрана свет слепил.

Все смешливо говорили,
Я же – рявканьем дивил.

Вот тогда внезапно вспомнил,
Как с десятков голосов...
Как смотрю в свои ладони,
Подобрать не в силах слов.
Вижу, точно как рентгеном,
Кости, жилы; кровь бежит
По артериям и венам;
Вижу сердце как стучит.

В этот день про голос знал я,
Но, как помню, микрофон
Облепило разум пламя;
Как кошмарный вижу сон.
Голосá, что я услышал
Были наших лесников,
Но как громко, даже мыши
Слышал как скребут покров.

Мне тогда одним спасеньем
Стало просто так уснуть.
Стало слуха обостренье,
Мог вовнутрь я заглянуть.
Утром же, когда был трезвый,
Видал, слышал ну, как все.
Понял то, что хмель отрезал
Быть в фантомной полосе.

\11\

Скажешь ты, читатель:

– Спятил!

Не в себе ты, мой поэт!
Знаешь впредь, зачем не вставил
Строфы в глав единый свет.
Но, признаюсь раз последний,
Всех **писака** стал видеть я.
Помню, Блока как намедни
Встретил с парнем у ручья.

А **Писака** впредь явленье
Иль в России иль в миру.

Все, как я, стихотворенья
Дарят людям за их труд.
Понял я, что так втроём мы
Стали планы рушить все
И спешили ознакомить
Люд на книжной полосе.

Коль прочёл ты строки эти,
Время выбил, ранил лень –
Знай, поэма правдой светит,
Убирает с тайны тень...

<От автора>

Идея поэмы родилась вечером в бабкином доме в Лименде 11.08.2005 года, но её я решился начать только на следующее утро. Первая глава была в большей степени написана в общем вагоне поезда Котлас-Сыктывкар (14.08.2005), где уже окончательно я решил сделать эту поэму фантастической.

А. Новосёлов

Черновой вариант малой поэмы был написан:

Вступление – пос. Лименда, 11.08;

Глава 1 – в поезде Котлас-Сыктывкар, 14.08, пункт 4 – пос. Литвино; доработка 1 главы с 20 по 21.08;

Глава 2 – пос. Литвино — 17 – 18.08;

Глава 3 – пос. Литвино – 21, 23 – 24.08;

Посвящение – 26.08;

Строфы, не вошедшие в поэму – пос. Литвино — 27 – 28.08; г. Архангельск – 07.10 (корректировка и дополнение).

Набор поэмы на ПК – октябрь 2005 года (завершён в ночь с 20 по 21.10.2005).

Последняя редакция – апрель-май 2014 года (Вологда).

А.С. Новосёлов: «ПИСАКА» – фантастическая поэма, 2005.

www.Polevaya-Tetrad.narod.ru